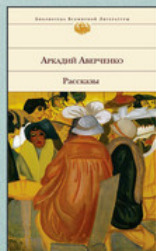

Аркадий Аверченко

Маленькая Лениниана

*Часть сборника
Рассказы*

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Маленькая Лениниана

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619335

Аннотация

«... Советская власть всегда боялась печатного слова, особенно того, что приходило из-за рубежа, и особенно принадлежавшего бывшим соотечественникам. Впрочем, всегда ли – боялась? В 1921 году Ленин получил изданную в Париже книгу Аркадия Аверченко «Дюжина ножей в спину революции». «До кипения дошедшая ненависть», – заметил он об этой книжке на страницах «Правды». Но рядом – «поразительный талант», «знание дела и искренность». ...»

Содержание

Вся власть – мне	4
Моя симпатия и сочувствие Ленину	11
Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко	18

Аркадий Аверченко

Маленькая Лениниана

Вся власть – мне

Уже несколько дней подряд я ходил как неприкаянный и все время не мог понять, что со мной делается...

– Что с тобой такое? – спрашивали друзья.

– И сам не понимаю что. Чего-то мне хочется, а чего, и сам не знаю.

– Может быть, ты жениться захотел?!

– Фи, какая гадость! Тоже подумаете... Нет, мне хочется чего-то этакого... Ну понимаете? Такого.

– Какого?

Я беспомощно вертел рукой:

– Ну, такого, знаете... большого. Важного.

– Родзянки, что ли?

– Глупо. Понимаете, чего-нибудь такого, чтоб оно было большое и приятное.

– Ну, это довольно расплывчато. Вагон белой муки под это подходит. Гарем египетского хедива подходит. Доходный дом на Невском. Бриллиант величиной с куриное яйцо. Жесточайшая подагра у твоего врага. Мало ли что бывает большое и приятное!

Однажды кто-то спросил:

– Может, тебе сладенького хочется?

– А чего бы, например? – задумчиво прищурился я.

– Скажем, земляничный торт. Да нет их теперь. Власти

запретили.

Вдруг я, осененный, стукнул кулаком по столу.

– Есть! Вот чего я хочу!

– Торт? Но торты запретили власти.

– Нет! Вот этого именно я хочу: власти! Власти мне уже

который день хочется!

Окружающие засмеялись.

– Ишь, чего захотел! Власти! Раньше была «вся власть советам», а теперь вся власть у большевиков. Опоздал, голубчик!

Снова я стукнул кулаком по столу.

– Так будет же по-моему! Товарищи пролетарии! Объединяйтесь под знаменем: «Вся власть Аркадию Аверченко!»

На наш век пролетариев хватит.

Я был как в горячке. Вдохновение горело на челе моем.

– С чего же вы начнете? – спросили меня.

– Ясно с чего: с декрета.

Через день мой первый декрет был уже напечатан и расклеен.

Декрет

Главного сверхнародного комиссара, поставленного волей самых что ни на есть беднейших крестьян, невероятно солдатских солдат и поразительно матросских матросов...

Товарищи! Большевики вас обманули и обсчитали. Что они дали вам? Землю? А вы спросите их – кто будет ее обрабатывать, эту землю? Придется вам же! Очень весело, нечего сказать! Нет, товарищи! Если вы объединитесь под священным лозунгом нетрудящихся масс: «Вся власть Аркадию Аверченко!» – то вы будете иметь землю и не вы будете ее обрабатывать. Дудки! Довольно вы уже поработали. Пусть другие работают на вас! И эти другие – буржуи и аристократы! Скажем так, Родзянко и Милюков впрягаются в плуг, а графиня Кантакузен идет сзади и подгоняет их. Косить будут Сумароковы-Эльстон – вся семья, а молоть – те же большевики. Это их дело! Довольно они попили вашей кровушки! Пусть коров пасет председатель сельскохозяйственного общества, а крыши чинят сами братья Тонет. Большевики глупо, как попугаи, повторяли: «Вся власть беднейшим крестьянам!» Почему? Я, наоборот, говорю: «Вся власть богатейшим крестьянам», потому что среди вас не будет бедных!

Вы, товарищи-рабочие! Большевики и вас обманули!

Подумаешь, важное кушанье – контроль над производством. А заводы и фабрики все-таки у буржуев-капиталистов! Нет, я вам дам побольше! К нам пожалуйста, первый сорт – у нас покупали! Каждый рабочий у меня получит собственный небольшой завод или фабрику на сто персон, и пусть он отныне ходит по заводу, заложив руки в карманы, да только побрякивает – рабочими у него будут Крестовиков, Коновалов и прочие Рябушинские. Это тебе не контроль какой-нибудь паршивый! Итак, идите все на улицу и носите по улице писаную торбу, на которой должны быть начертаны великие слова: «Вся власть Аркадию Аверченко!», «Долой контрреволюционеров, – всех этих буржуев, Каледина, Керенского, Троцкого, Ленина и других, продавшихся капиталу!»

Товарищи солдаты и матросы! К вам слово мое! Вы так жадно хотите мира – разве его вам дали обманщики большевики? Что они сделали? Послали к немцам для переговоров какого-то несчастного Шнеура, да и тот оказался жуликом! Нет, вот у меня будет мир – так мир! За ухо от него не оттянешь. Такой скорый, что не успеете и оглянуться. И что это за скромность такая – без аннексий и контрибуций? С чьей стороны – это неважно.

Те же из вас, которые все равно не воевали и которым будет ли война или нет – ни тепло, ни холодно, – одним словом, петроградскому революционному гарнизону, – я обещаю на ухо пять словечек: 1) Государственный, 2) банк, 3) погреб, 4) Зимнего и 5) дворца!

Теперь, посчитайте: кто больше дает – я или большевики? За кем вы пойдете, за мной или за большевиками? Дураки вы, что ли, чтоб идти за ними, когда я даю втрое больше?

Итак, пусть перед вашими духовными очами ярко горят два огненных лозунга:

1) «Вся власть Аркадию Аверченко!»

2) «Господин, у нас покупали, – пожалуйста».

Подписано:

Сверхверховный сверхкомиссар

Аркадий Аверченко

Да здравствует углубление революции!

В борьбе обретишь ты лево свое!

* * *

Не прошло и нескольких часов, как ко мне в квартиру влетели бледные, растерянные Троцкий и Ленин.

– Что вы наделали? – с порога крикнули они. – С ума вы сошли?

– А что? – спросил я с невинным видом. – Садитесь, господа.

– Уже? – крикнул хрипло Троцкий. – Мы не хотим садиться! Вы не имеете права нас арестовывать!

Я вспыхнул.

– Это почему же, скажите, пожалуйста? – надменно спро-

сил я. – Отныне вся власть перешла ко мне! Вся власть Аркадию Аверченко!

– Вас никто не выбирал.

– Выберут! Я таких обещаний в свой декретишко насовал, что все за мной побегут.

– Но ведь это ложь! – стукнул кулаком по столу Ленин. – Где вы возьмете столько фабрик, чтобы наделить каждого рабочего фабрикой? Где вы наберете столько Родзянко и Кантакузенов, чтобы пахать на них землю? Какой это мир можно в два дня заключить? Мы неделю не могли, а вы...

– За ним все равно никто не пойдет, – пробормотал дрожащими губами Троцкий.

Я ядовито улыбнулся.

– Вы думаете? А вы слышите уже эти крики на улице: «Вся власть Аркадию Аверченко! Долой капиталистов Троцкого и Ленина!»

– Пощадите! – застонал, простирая ко мне руки, Ленин. – Отступитесь!

– Поздно, – сказал я роковым голосом, показывая на появившихся в дверях красногвардейцев. – Арестуйте этих двух...

Я устало указал на Ленина и Троцкого.

– Куда их потом? – презрительно спросил красногвардеец.

– Ну как обыкновенно: в Петропавловку. Ступайте, господа. Все там будем.

* * *

И что же! Последняя моя фраза оказалась пророческой: я пошутил, а через три дня появилась новая власть, и я, сверхкомиссар, был сверхарестован и посажен в сверх-Петропавловку сверх всех министров.

Моим преемником по власти над страной оказался какой-то Федька Кныш, – он так и подписался под декретом, свалившим меня: «Федька Кныш, крючник калашниковской пристани».

И знаете, чем он взял в свои руки все нетрудящиеся массы, чем он победил?

Краткий лозунг был у Федьки, а крепкий, черт его побери!

Вот этот лозунг:

«Шантрапа! – писал грубый, невоспитанный Федька. – Делай что хошь! На шарап! Мой лозунг: «Всем – все!»

И долго ходили толпы по городу, с яркими плакатами в руках: «Вся власть Федьке».

* * *

Ничего не поделаешь. Федька оказался левее.

Моя симпатия и сочувствие Ленину

Я очень добрый человек.

Например: у меня нет ни злобы, ни ненависти к Ленину, Ульянову – тоже.

Мне только очень его жалко.

Чем дальше, тем больше я над ним, над его жизнью задумываюсь, и чем дальше, тем больше мне его жалко.

По-моему, всякий человек имеет право на личный уют в жизни (я, например, люблю уют больше всего на свете) – а у Ленина нет этого уюта.

И уюта в жизни его нет, и общественное положение его какое-то странное. В самом деле, ну что это за положение такое: «Председатель Советской республики»? Наверное, ему от этого скучно и для самолюбия нет никакого удовлетворения.

Я еще понимаю – быть царем: это уже что-то! Я бы сам, признаться, не отказался от этой должности и думаю, что царь из меня вышел бы неплохой.

Что такое нужно от царя? Здравый смысл и любовь к родине. Я звезд с неба не хватаю, но здравый смысл у меня есть и любовь к родине такая, что я, может быть, часто по ночам плачу, да никто этого не знает.

Ну так вот, царь – должность определенная, и писатель – должность определенная: знай себе платит штраф за газеты, и генерал – должность определенная: знай себе газеты продает на Невском, и князь – должность определенная: знай себе старые вещи продает.

А председатель Советской республики – это неуютно. В этом нет уклада. Нет привычного,

Мне очень интересно знать – как вообще живет Ленин: что он ест – и много ли, с удовольствием ли, что читает, когда ложится спать и смеется ли?

Я думаю, что не смеется. И ему самому скучно жить, и тем, кто около него, тоже скучно живется.

Я думаю, что Ленин очень сухой человек, и если даже он прочтет эти строки, то не поймет, что я жалею его по человечеству, как брат брата, а, я думаю, немного растеряется, пожмет плечами и скажет сухим, без интонации, голосом:

– Какой странный этот Аверченко! Читаешь, читаешь и совершенно не понимаешь – какая такая его партийная платформа?

А я безо всякой платформы, ей-богу... Ну вот, как бы два человека встретились в лесу, и один увидел, что другой спит на корявых сучьях, которые впиваются ему в бока. Ну вот этот первый и пожалел второго, по человечеству, беспартийно и совершенно внефракционно.

Слушайте, гражданин Ленин, – неужели вы мне никогда не позавидуете? Вы знаете, например, как я провел вчераш-

ний день? Рассказать? Расскажу.

Встал утром рано – утро хорошее, теплое, солнечное. Ду-маю: вчера работал и позавчера работал – никто меня не за-ставит сегодня работать! Поболтаюсь нынче по белому свету так просто, безо всякой работы.

Умылся холодной водой, фыркая, как молодая лошадка.

Чай выпил с белой лепешкой, которую ужилил у петро-градской коммуны. Прочел две газеты – левую и правую. В обеих разделявали советскую власть на обе корки – прямо неприятно было читать. Вышел на улицу – сколько света, сколько тепла, сколько солнца! Что значит – ненормирован-ный продукт!

Купил у торговки букетик весенних фиалок. Нюхал. Раз-глядывал на дороге встречных девушек и дам. Вы знаете, господин Ленин, – прехорошенькие встречаются. Жаль, что вы никогда так на них не смотрите, без платформы. И я ведь не о каких-нибудь дурных мыслях говорю, а просто прият-но посмотреть на свеженькое личико и стройную ногу, лихо обтянутую черным ажуром чулка,

Разглядывал также открытки в витринах. Оч-чень недур-ные попадают. Нынче стали хорошо их печатать – все маз-ки переданы в точности. Фотографии разглядывал. Заинте-ресовался и кинематографическим плакатом. Картина на-зывается «Человек, который убил». Играет актриса Лещин-ская. Красивая. Надо пойти посмотреть, что это за картина такая.

Завернул на Морскую. У Буша выставлен эстамп: лев огромный, с царственной гривой. Этому слово «председатель» никак не подходит – именно царь. Породистый, каналья. И вдруг потянуло меня в Зоологический сад – безмерно я люблю всяческое дикое зверье.

А кто мне указ? Набрал побольше теплого воздуха в легкие и бодро зашагал в Зоологический сад – как птица я свободен в пределах петроградской коммуны.

Обедал я в кавказском ресторанчике. Прихватил приятеля – ели шашлыки, осетрину на вертеле, и мошенник кавказец дал даже недурное винцо. Дорого только очень, ну да ничего – этим фельетоном покрою.

Кстати, господин Ленин, – частный вопрос: почему бы вам не разрешить свободной продажи вина? Ведь все равно, кто хочет, пьют, и плохо только то, что переплачивают громадные деньги. Я так полагаю, что и дороговизна вся оттого, что всем нужно много на вино заработать. Возьмите вы пьющего ремесленника. Раньше он зарабатывал пять рублей в день, и довольно, потому что полбутылки водки стоило 23 копейки. А теперь он грабит заказчика ста рублями, потому что бутылка спирту стоит 200 рублей... И хлеб будет у ремесленника, потому что хлебный мужичонко дерет 10 рублей за фунт муки по той же причине – на водку сотни уходят.

Право, уже можно бы разрешить вино – такое мое компетентное мнение.

Да и вообще, я бы пошел к вам в советчики – только ведь

вы меня не будете слушать. Не стоится мне на партийной платформе – хоть кол на голове теши.

Однако вернемся к нашим баранам, как тонко выражались наши бывшие союзники.

После обеда отправились мы с приятелем в оперетку – очень мило играли, да и музыка приятная, легкая и пьянящая, как шампанское.

Вернулся домой пешком – такая приятная белая ночь, – слегка поужинал ужиленной у коммуны телятиной и сыром, запил доброй бутылкой контрабандного пива и лег в постель.

Вы думаете, удовольствия этого привольного дня кончились? Как бы не так!

Предстояло самое главное: лежит у меня на ночном столике томик «Замогильных записок Пиквикского клуба» – вот это, доложу вам, удовольствие! Нет ему равного в природе. В комнате тихо (нынче что-то мало стреляют), мирно горит покрытая голубым колпачком лампа над головой. Доносится легкий запах свежей сирени. Букет стоит на туалете – прислала какая-то скромная поклонница моего скромного таланта. Спасибо ей, спасибо Диккенсу, спасибо рабочим электрической станции, дай им бог доброго здоровья за то, что они освещают мне страницы Диккенса. Если когда-нибудь будет концерт в пользу электрических рабочих – обязательно выступлю в нем...

Как раз на этой мысли книга заботливо вываливается из ослабленных рук, я поворачиваюсь на другой бок и... желаю

и вам, господин Ленин, искренно, от души такой же спокойной ночи.

Ну вот: разве плохо прожил я этот беззаботный денек? А вы? Как вы проводите ваши дни? Наверное, сплошная толчея и беспокойство. Все эти прямые провода, доклады, совдепы, бестолочь и неурядица. С утра – ни газету толком не прочесть, ни чаю как следует выпить. С утра, наверное, уже какой-нибудь Свердлов или Прошьян являются со скучными претензиями, заявлениями и разными центропродкома. А там звонят, что в пригороде голодный бунт, а тут Мирбах через Чичерина подносит какую-нибудь обсахаренную гадость.

Ни к зверям не успеете пойти, ни Диккенса почитать. До Диккенса ли, когда красноармейцы требуют прибавки жалованья и пайка, когда рабочие требуют Учредительного собрания, а тут Скоропадский, а тут корниловцы, а тут немцы.

До открыток ли в витринах, до женских ли ножек в ажурных чулках, когда один флот загнан в Неву, другой в Новороссийск, а матросы при этом никого знать не хотят и требуют реставрации Дыбенки или еще чего, на что потянуло прихотливую матросскую душу.

Брат мой Ленин! Зачем вам это? Ведь все равно все идет кривь и вкось и все недовольны.

Почему мы, простые граждане, имеем право на личную жизнь, а вы не имеете права на личную жизнь?

Да черт с ним, с этим социализмом, которого никто не

хочет, от которого все отворачиваются, как ребята от ложки касторового масла.

Сбросьте с себя все эти скучные сухие обязанности, предоставьте их профессионалам, а сами сделайте таким же свободным, вольным человеком, такой же беззаботной птицей, как я... Будем вместе гулять по теплым улицам, разглядывать свежие женские личики, любоваться львами, медведями, есть шашлыки в кавказских погребках и читать великого мудрого Диккенса – этого доброго обывателя с улыбкой бога на устах.

Не примите моего предложения как обиду: а исключительно доброта сердца и сердечная симпатия водила рукой автора этого произведения —

Аркадия Тимофеевича Аверченко.

Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко

Николай Гумилев считал, что «словом разрушали города». Советская власть всегда боялась печатного слова, особенно того, что приходило из-за рубежа, и особенно принадлежавшего бывшим соотечественникам. Впрочем, всегда ли – боялась? В 1921 году Ленин получил изданную в Париже книгу Аркадия Аверченко «Дюжина ножей в спину революции». «До кипения дошедшая ненависть», – заметил он об этой книжке на страницах «Правды». Но рядом – «поразительный талант», «знание дела и искренность».

Дорогой Владимир Ильич!

Здравствуй, голубчик! Ну как поживаешь? Все ли у тебя в добром здоровье? Кстати, ты, захлопотавшись около государственных дел, вероятно, забыл меня?..

А я тебя помню.

Я тот самый твой коллега по журналистике Аверченко, который, если ты помнишь, топтался внизу, около дома Кшесинской, в то время, как ты стоял на балконе и кричал во все горло:

«Надо додушить буржуазию! Грабь награбленное!»

Я тот самый Аверченко, на которого, помнишь, тебе жа-

ловался Луначарский, что я, дескать, в своем «Сатириконе» издеваюсь и смеюсь над вами.

Ты тогда же приказал Урицкому закрыть навсегда мой журнал, а меня доставить на Гороховую.

Прости, голубчик, что я за два дня до этой предполагаемой доставки на Гороховую уехал из Петербурга, даже не простившись с тобой. Захлопотался.

Ты тогда же отдал приказ задержать меня на ст. Зерново, но я совсем забыл тебе сказать перед отъездом, что поеду через Унечу.

Не ожидал ты этого?

Кстати, спасибо тебе. На Унече твои коммунисты приняли меня замечательно. Правда, комендант Унечи – знаменитая курсистка товарищ Хайкина сначала хотела меня расстрелять.

– За что? – спросил я.

– За то, что вы в своих фельетонах так ругали большевиков.

Я ударил себя в грудь и вскричал обиженно:

– А вы читали мои самые последние фельетоны?

– Нет, не читала.

– Вот то-то и оно! Так нечего и говорить!

А что «нечего и говорить», я, признаться, и сам не знаю, потому что в последних фельетонах – ты прости, голубчик, за резкость – я просто писал, что большевики – жулики, убийцы и маровихеры...

Очевидно, тов. Хайкина не поняла меня, а я ее не разубеждал.

Ну вот, братец ты мой, – так я и жил.

Выезжая из Унечи, я потребовал себе конвой, потому что надо было переезжать нейтральную зону, но это была самая странная зона, которую мне только приходилось видеть в жизни. Потому что по одну сторону нейтральной зоны грабили только большевики, по другую только немцы, а в нейтральной зоне грабили и большевики, и немцы, и украинцы, и все вообще, кому не лень.

Бог ее знает, почему она называлась нейтральной, эта зона.

Большое тебе спасибо, голубчик Володя, за конвой – если эту твою Хайкину еще не убили, награди ее орденом Красного Знамени за мой счет.

Много, много, дружище Вольдемар, за эти три года воды утекло. Я на тебя не сержусь, но ты гонял меня по всей России, как соленого зайца, из Киева в Харьков, из Харькова – в Ростов, потом Екатеринодар, Новороссийск, Севастополь, Мелитополь, опять Севастополь.

Это письмо я пишу тебе из Константинополя, куда прибыл по своим личным делам.

Впрочем, что же это я о себе да о себе. Поговорим и о тебе.

Ты за это время сделался большим человеком. Эка куда хватил неограниченный властитель всея России. Даже отсюда вижу твои плутоватые глазенки, даже отсюда слышу твое

возражение:

– Не я властитель, а ЦИК.

Ну это, Володя, даже не по-приятельски. Брось ломаться – я ведь знаю, что тебе стоит только цикнуть и весь твой ЦИК полезет под стол и сделает все, что ты хочешь.

А ловко ты, шельмец, устроился – уверяю тебя, что даже при царе Государственная дума была в тысячу раз самостоятельнее и независимее. Согнул ты «рабоче-крестьянскую», можно сказать, в бараний рог.

Как настроение?

Ты знаешь, я часто думаю о тебе и должен сказать, что за последнее время совершенно перестал понимать тебя.

На кой черт тебе вся эта музыка? В то время когда ты кричал до хрипоты с балкона – тебе, отчасти, и кушать хотелось, отчасти, и мир, по молодости лет, собирался перестроить.

А теперь? Наелся ты досыта, а мира все равно не перестроил.

Доходят до меня слухи, что живется у вас там в России, перестроенной по твоему плану, – препротивно.

Никто у тебя не работает, все голодают, мрут, а ты, Володя, слышал я, так запутался, что у тебя и частная собственность начинает всплывать, и свободная торговля, и концессии.

Стоит огород городить, действительно?

Впрочем, дело даже не в том, а я боюсь, что ты просто скучаешь.

Я сам, знаешь ли, не прочь повластвовать, но власть хороша, когда кругом довольство, сияющие рожи и этикие хорошенькие бабеночки, вроде мадам Монтеспан при Людовике.

А какой ты, к черту, Людовик, прости за откровенность!

Окружил себя всякой дрянью, вроде башкир, китайцев – и нос боишься высунуть из Кремля. Это, брат, не власть. Даже Николай II частенько раньше показывался перед народом, и ему кричали «ура», а тебе что кричат?

– Жулики вы, – кричат тебе и Троцкому. – Чтобы вы подошли, коммунисты.

Ну что хорошего?

Я еще понимаю, если бы ты рожден был королем – ну, тогда ничего не поделаешь, профессия обязывает. Тогда сиди на башне – и сочиняй законы для подданных.

А ведь ты – я знаю тебя по Швейцарии, – ты без кафе, без «бока», без табачного дыма, плавающего под потолком, – жить не мог.

Небось хочется иногда снова посидеть в биргалле, поорать о политике, затянуться хорошим кнастером – да где уж там!

И из Кремля нельзя выйти, да и пивные ты все, неведомо на кой дьявол, позакрывал декретом № 215523.

Неуютно ты, брат, живешь, по-собачьему. Русский ты столбовой дворянин, а с башкирами все якшаешься, с китайцами. И друга себе нашел – Троцкого – совсем он тебе не пара. Я, конечно, Володя, не хочу сплетничать, но знаю, что он тебя подбивает на всякие глупости, а ты слушаешь.

Если хочешь иметь мой дружеский совет – выгони Троцкого, распусти этот идиотский ЦИК и издай свой последний декрет к русскому народу, что вот, дескать, ты ошибся, за что и приносишь извинения, что ты думал насадить социализм и коммунизм, но что для этой отсталой России «не по носу табак», так что ты приказываешь народу вернуться к старому, буржуазно-капиталистическому строю жизни, а сам уезжаешь отдыхать на курорт.

Просто и мило!

Ей-богу, плюнь ты на это дело, ведь сам видишь, что получилось, – дрянь, грязь и безобразие.

Не нужно ли денег? Лир пять-десять могу сколотить, вышлю.

Хочешь – приезжай ко мне, у меня отдохнешь, подлечишься, а там мы с тобой вместе какую-нибудь другую штуковину придумаем – поумней твоего марксизма.

Ну прощай, брат, кланяйся там!

Поцелуй Троцкого, если не противно.

Где летом на даче?

Неужели в Кремле?

С коммунистическим приветом

Аркадий Аверченко.

P. S. Если вздумаешь черкнуть два слова, пиши:

Париж, Елисейский дворец, Мильерану – для Аверченко.